

Органическое строение общества и демократія

Демократія стала въ наше время предметомъ отрицательной критики. Лица, всегда питавшіе отвращеніе къ ней, начинаютъ самоувѣренно бранить ее, полагая, что послѣ пережитыхъ нами испытаній врядъ ли кому, кромѣ завзятыхъ революціонеровъ, придетъ въ голову защищать демократическій государственный строй.

Серьезныхъ доводовъ у противниковъ демократіи два. Во-первыхъ, они утверждаютъ, что демократія имѣетъ *неорганической*, механической характеръ: избраніе народныхъ представителей и принятіе рѣшеній по большинству голосовъ есть продуктъ борьбы множества социальныхъ атомовъ и арифметическаго перевѣса одной суммы единицъ надъ другими, но не выраженіе единой разумной воли. Отсюда, во-вторыхъ, слѣдуетъ, что демократія въ своемъ поведеніи и развитіи не опирается на единую систему истинъ и принциповъ, признаваемыхъ абсолютными; проводя въ жизнь измѣнчивыя мнѣнія измѣнливаго большинства, демократія должна понимать истину, какъ нѣчто относительное; практически она стоитъ на сторонѣ гносеологическаго и этическаго *релятивизма*.

Этому многоголовому безпринципному множеству, раздираемому центробѣжными силами, противопоставляютъ открыто или въ тайникахъ души абсолютную монархію, въ которой граждане спаены во едино разумною волею монарха. Предполагается при этомъ, что воля монарха опирается на незаблемую скалу абсолютной истины, данной религіею; подъ религіей разумѣется, конечно, высшая достигнутая человѣчествомъ форма ея, — христіанство*).

*) Противопоставляя демократію монархіи я буду въ дальнѣйшемъ имѣть въ виду вездѣ *абсолютную* монархію. Что же касается ограниченной монархіи, она можетъ быть однимъ изъ

Разсматривать вопрос, насколько основательны нападки на демократію, я буду не какъ политикъ, а какъ метафизикъ, исходя изъ ученія объ *онтологической* природѣ общества, въ частности государства. Такая точка зрѣнія кажется отвлеченною, далекою отъ жизни; между тѣмъ въ дѣйствительности она въ значительной мѣрѣ руководитъ нашими политическими симпатіями и антипатіями, оставаясь однако скрытою въ неопознанной сферѣ сознанія.

Монархисты въ общемъ тяготеютъ къ *органическому* міровоззрѣнію и перѣдко обладаютъ имъ въ разработанномъ видѣ, именно въ формѣ христіанскаго міропониманія: мысля о мірѣ и всякомъ цѣломъ, они идутъ отъ цѣлага къ элементамъ его, и понимаютъ элементы, какъ иѣчто способное къ бытію, осмысленное и цѣнное не иначе, какъ въ составѣ цѣлага. Подчеркивая значеніе цѣлага иногда даже въ ущербъ элементамъ, они подвергаются опасности впасть въ односторонній *универсализмъ* и не впадаютъ въ него лишь въ томъ случаѣ, если, напр., ими подлинно усвоенъ христіанскій принципъ абсолютной цѣнности всякой человѣческой души.

Демократы, наоборотъ, увлекаясь борьбою за свободу и интересы индивидуума, склонны въ большинствѣ къ *неорганическому*, атомистически-механистическому міропониманію: для нихъ цѣлое есть только продуктъ суммированія элементовъ. Общество для нихъ есть лишенное самостоятельной цѣнности средство для обезпеченія нуждъ индивидуума. Они склонны къ тому или иному виду односторонняго *индивидуализма*.

Одностороннія онтологическія и аксіологическія ученія всегда оказываются результатомъ какихъ либо ложныхъ предпосылокъ, мѣшающихъ выработать сложное міровоззрѣніе, сочетающее безъ противорѣчій разнородные виды бытія и цѣнности. Исканіе такого синтеза есть плодотворная задача. Для насъ въ связи съ поднятымъ нами вопросомъ эта задача состоитъ въ томъ, чтобы найти синтезъ универсализма и индивидуализма, т. е. выработать міровоззрѣніе, въ которомъ было бы показано, какъ возможна относительная онтологическая самостоятельность цѣлага и вмѣ-

видовъ демократіи; мало того, при извѣстной степени и формѣ ограниченія власти монарха она можетъ почти не отличаться отъ республиканской демократіи.

етѣ съ тѣмъ относительная самостоятельность элементовъ, точно такъ-же абсолютная цѣнность цѣлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ абсолютная цѣнность элементовъ; въ частности такое пониманіе намъ нужно установить въ примѣненіи къ государству и входящимъ въ его составъ человѣческимъ личностямъ. Эта задача можетъ быть рѣшена, мы полагаемъ, не иначе, какъ на основѣ *органическаго* міропониманія и именно той его разновидности, которую можно назвать *іерархическимъ персонализмомъ*.

Въ краткой статьѣ, написанной по частному поводу, я не могу обосновывать это міровоззрѣніе и буду опираться на него, какъ на данное, изложивъ вкратцѣ основныя положенія его, развитыя въ моихъ книгахъ «Мірѣ, какъ органическое цѣлое» и «Свобода воли» (печатается).

Мірѣ состоитъ изъ существъ, называемыхъ мною *субстанціальными дѣятелями*. Каждый дѣятель самъ по себѣ есть *идеальное*, т. е. вѣчное сверхвременное и сверхпространственное начало, но дѣйствованія его образуютъ сферу реального бытія, область пространственно-временныхъ, психо-матеріальныхъ (или психондно-матеріальныхъ) процессовъ. Примѣромъ субстанціального дѣятеля можетъ служить человѣческое я, какъ источникъ чувствъ, желаній и тѣлесныхъ, т. е. пространственныхъ проявленій ихъ; въ низшей сферѣ бытія электронъ, какъ источникъ дѣйствованій притяженія, отталкиванія, движенія, есть также субстанціальныи дѣятель.

Лейбницъ называлъ *монадою* то, что мы называемъ терминомъ субстанціальныи дѣятель. Однако тотчасъ-же слѣдуетъ указать коренное отличіе развиваемаго нами ученія о мірѣ, отъ Лейбниціанства. Всѣ реальныя процессы: чувства, желанія, притяженія, отталкиванія и т. п. имѣютъ оформленный характеръ: они осуществляются сообразно *идеальнымъ* принципамъ, сообразно принципамъ строенія пространства, времени, числа и т. п. Слѣдовательно, субстанціальныи дѣятель, осуществляющій свои дѣйствія, подчиняя ихъ перечисленнымъ формамъ, есть *носитель* этихъ *идеальныхъ формъ*. Но идеальныя формы, на примѣръ число, *тождественны* для всѣхъ дѣятелей; отсюда вытекаетъ, что субстанціальныя дѣятели не обособлены другъ отъ друга, но *частично единосущны*: какъ носители творческихъ дѣятельныхъ силъ, они самостоятельны въ отношеніи другъ къ другу, а, какъ носители тождественныхъ формъ,

они сливаются въ одно существо. Конечно, это есть лишь *отвлеченное единосушіе*. Однако оно даетъ строеніе міра, кореннымъ образомъ отличное отъ того, какое представлялъ себѣ Лейбницъ. Его монады «безъ оконъ и дверей» были вполнѣ замкнуты каждая въ себѣ; между ними было бы возможно только подобосушіе, но не единосушіе. Многіе философы полагаютъ, что субстанціи, будучи каждая самостоятельнымъ центромъ дѣйствованія, необходимо должны быть такъ разобщены другъ съ другомъ. Между тѣмъ это невѣрно. Сочетая лейбницянское ученіе о монадахъ, какъ субстанціяхъ, съ ученіемъ объ идеальныхъ началахъ въ духѣ платонизма, можно понять міръ, какъ систему дѣятелей съ одной стороны субстанціально самостоятельныхъ, а съ другой стороны сливающихся въ одно существо, въ слѣдствіе чего между ними возможно такое тѣсное общеніе, какъ напр. *интуиція*, т. е. непосредственное созерцаніе одними бытія и дѣйствующей другихъ. Такая система міра, состоящая изъ множества свободныхъ *самостоятельныхъ* и вмѣстѣ съ тѣмъ исконно *единыхъ* началъ, не можетъ сама быть источникомъ своего бытія: она можетъ быть мыслима только, какъ твореніе Бога. Въ этой системѣ всякій субстанціальный дѣятель есть *индивидуумъ*, т. е. единственный своеобразный, незамѣнимый элементъ міра, имѣющій свое особое мѣсто и значеніе для всего міра; своеобразіе индивидуума выражено въ *идеѣ Бога* о немъ и составляетъ его *идеальное назначеніе*.

Отвлеченное единосушіе есть условіе для совмѣстной дѣятельности индивидуумовъ, не предрѣшающее содержанія этой дѣятельности, не предопредѣляющее, будетъ-ли отношеніе между ними враждебнымъ или любовнымъ. Поскольку отношенія между дѣятелями враждебны, имѣютъ характеръ противоборства и взаимнаго стѣсненія, постольку единосушіе ихъ остается лишь отвлеченнымъ. Поскольку-же они вступаютъ въ отношеніе любовнаго единенія, взаимно усваиваютъ конкретныя содержанія цѣлей другъ друга для единогодушнаго осуществленія ихъ, постольку единосушіе ихъ становится *конкретнымъ*.

Всякій субстанціальный дѣятель есть (подобно монадѣ Лейбница) дѣйствительная или потенціальная личность. Поэтому такое міровоззрѣніе можно назвать *персонализмомъ*. Сравнительно болѣе высоко развитые дѣятели стоятъ во главѣ болѣе или менѣе многочисленной группы

менѣ развитыхъ дѣятелей, органически объединяя ихъ и создавая изъ нихъ единое цѣлое для совмѣстной дѣятельности. Такъ, примѣрно, человеческое я есть организующій центръ для клетокъ тѣла; въ свою очередь, въ каждой клеткѣ есть дѣятель, объединяющій молекулы ея, и т. д. вплоть до послѣдняго элемента, положимъ, до электрона. Какъ внизъ отъ человеческого я, такъ и вверхъ мы найдемъ рядъ ступеней организованности: человеческіе я образуютъ органическое единство народа (націи, государства), народы суть элементы человечества и т. д. вплоть до единства вселенной. Такъ какъ на каждой ступени здѣсь есть субстанціальный дѣятель болѣе высокаго порядка (по степени развитія), чѣмъ на предъидущей, то это — *иерархическій персонализмъ**).

Согласно такому міропониманію, государственное цѣлое есть *личность* высшаго порядка, чѣмъ человекъ. Чтобы провѣрить, возможно-ли такое ученіе, возьмемъ опредѣленіе понятія личности, положенное В. Штерномъ въ основу его персонализма. «Личность», опредѣляетъ Штернъ, «есть такое бытіе, которое, несмотря на множество частей, образуетъ реальное своеобразное по роду и цѣнности единство и, какъ таковое, несмотря на множество частичныхъ функций, осуществляетъ единую, цѣлестремительную самодѣятельность**»).

Наличность единой цѣлестремительной дѣятельности, своеобразной по роду и цѣнности, съ совершенною очевидностью обнаруживается въ жизни государства. Поэтому, если въ силу общихъ философскихъ основаній (исходя изъ ученія объ отношеніи вообще, въ частности о причинности и т. п.) мы пришли къ убѣжденію, что источникомъ такихъ дѣятельностей можетъ быть лишь единое онтологическое начало, единый субстанціальный дѣятель, естественно попытаться разсматривать и государственное цѣлое въ духѣ этихъ ученій. Въ такомъ случаѣ граждане государства суть личности менѣе высокой степени развитія, усваивающіе отчасти сознательно, но еще въ

*) Иерархическій персонализмъ довольно широко распространенъ въ философіи и встрѣчается въ весьма различныхъ видоизмѣненіяхъ. Такъ, напр., различные виды его представлены въ системахъ Лейбница, Фехнера, Вундта, Эд. Гартманна, В. Штерна (въ его превосходной книгѣ «Person und Sache») и др.

***) W. Stern, Person und Sache, I, 1906, стр. 16.

большей мѣрѣ безотчетно цѣлестремительныя тенденціи цѣлаго и способные стать органами выполненія того или иного момента ихъ, вродѣ того, какъ клѣтки тѣла человѣка, напр. мускульныя волокна, способны быть органами осуществленія цѣлей человѣческаго я.

Такое объединеніе многихъ дѣятелей есть одна изъ ступеней конкретизаціи единосуціа, творящая новый видъ реального бытія. Въ самомъ дѣлѣ, война, международные договоры, судебный процессъ и т. п., государственные акты образуютъ особую сферу бытія — не психическаго и не физиологическаго, а именно *соціального*. Какъ всякая высшая форма бытія, оно опирается на низшіе процессы, въ данномъ случаѣ на психическіе и физиологическіе процессы человѣческой особи, включая ихъ въ себя, какъ свои подчиненные моменты, но не исчерпываясь ими.

Такое ученіе о соціальномъ бытіи можно назвать органическимъ съ оговоркою, что подъ этимъ словомъ здѣсь разумѣется не *біологическое* понятіе организма, а весьма общее *философское* понятіе органическаго цѣлаго, т. е. цѣлаго, опредѣляющаго свои элементы и непроеизводнаго изъ суммы ихъ. Въ особенности не слѣдуетъ отождествлять такое органическое пониманіе съ ученіемъ Спенсера и другихъ соціологовъ, сближающихъ общество съ организмомъ животнаго, но понимающихъ организмъ въ духѣ механистическаго міровоззрѣнія. Такая «органическая» теорія общества есть въ своихъ принципиальныхъ основахъ скорѣе ученіе противоположное защищаемому нами.

Органическое ученіе можно развить въ духѣ имперсонализма или трансперсонализма, отрицая личный характеръ соціального цѣлаго, какъ это дѣлаетъ, напр., *Г. Гурвичъ* въ книгѣ «Fichte's System der konkreten Ethik» или, по крайней мѣрѣ, не касаясь этого вопроса, какъ это дѣлаетъ, напр., *Шпанъ* въ своей «Gesellschaftslehre»*).

Думается, однако, что послѣдовательная система онтологіи можетъ быть развита лишь въ томъ случаѣ, когда всякое органическое цѣлое, способное къ цѣлестреми-

*) Излагая органическое ученіе *Гирке* въ статьѣ «Otto v. Guericke als Rechtsphilosoph» («Logos», Band XI, Heft I, 1922), Гурвичъ стремится и ученіе Гирке о Verbandsperson истолковать въ духѣ имперсонализма (см. 117 стр.).

тельной дѣятельности, разсматривается, какъ дѣйствительная или потенціальная личность.

Цѣль и смыслъ мірового процесса заключается въ достиженіи совершенной полноты бытія, именно совершенной творческой дѣятельности, пронизанной добромъ, красотой и обрѣтеніемъ абсолютной истины. Этотъ идеаль осуществляется не въ состояніи распада и взаимной борьбы субстанціальныхъ дѣятелей, а на основѣ совершенной любви ихъ къ Богу и другъ другу, создающей конкретное единосущіе ихъ, Царство Божіе. Такая цѣль, возрастаніе въ добрѣ имѣетъ смыслъ и находитъ условія для своего осуществленія лишь въ томъ случаѣ, если субстанціальные дѣятели надѣлены творческою самостоятельною силою такъ, что способны *свободно* избирать либо путь добра, т. е. возрастающаго единенія и любви, либо путь зла, т. е. вражды и разъединенія.

Правильный путь поведенія есть путь къ Царству Божію. Эта идеальная цѣль одинаково предстоить передъ всѣми дѣятелями; каждый изъ нихъ есть носитель абсолютной цѣнности и потому не можетъ быть низведенъ на степень лишь средства. Имѣя въ виду эту цѣнность личности и идеаль ея развитія, можно установить правильное отношеніе между человѣческою личностью и обществомъ, въ частности государствомъ. Возрастаніе въ добрѣ можетъ быть только свободнымъ; поэтому государство должно предоставить человѣку *формальную свободу*, т. е. свободу избранія не только пути добра, но и зла, въ тѣхъ предѣлахъ, поскольку эта свобода не вторгается въ область дѣятельности другихъ лицъ и не разрушаетъ общественнаго цѣлаго. Кромѣ этой отрицательной задачи, передъ государствомъ стоитъ положительная задача — обеспечивать человѣческой личности духовныя и матеріальныя средства для поднятія ея *матеріальной свободы*, т. е. для возрастанія ея творческой активности, осуществляющей добро, красоту и обрѣтеніе истины; эту обязанность общественное цѣлое должно выполнять, конечно, въ различной степени въ зависимости отъ размѣра его собственныхъ творческихъ силъ, сообразно данной ступени культуры въ средѣ, ослабленной наличіемъ враждебныхъ отношеній, далекой отъ конкретнаго единосущія. Исходя изъ того же идеала, можно опредѣлить и обязанности повиновенія, въ опредѣленныхъ предѣлахъ, гражданина государству, какъ объемлющей его личности высшаго

типа. Однако эти разнообразные и сложные вопросы мы оставим въ сторонѣ и сосредоточимся лишь на своей темѣ, на разсмотрѣннй монархическаго и демократическаго строя, исходя изъ установленныхъ положеній.

Иерархическій персонализмъ есть ученіе о монархическомъ строеннй вселенной. Однако этотъ онтологическій монархизмъ совѣмъ не похожъ на политическій монархическій строй человѣческаго общества. Во всякомъ органическомъ цѣломъ высшее начало, подчиняющее и объединяющее свои элементы, стоитъ всегда онтологически на высшей ступени бытія, чѣмъ его элементы: такъ, человѣческое я не есть одна изъ клѣтокъ человѣческаго организма, духъ народа не есть одинъ изъ гражданъ государства, Богъ не есть одинъ изъ элементовъ мірового бытія и т. п.

Этотъ монархическій строй стоитъ незыблемо и безъ нашихъ усилій: пока государство сохраняетъ жизненность и настолько, насколько оно жизненно, во главѣ его находится начало, которое можно назвать Душою народа (объективный духъ Гегеля). Но ужъ во всякомъ случаѣ очевидно, что ни одинъ человѣкъ, даже и монархъ не можетъ быть въ точномъ онтологическомъ смыслѣ Душою народа. Человѣкъ можетъ быть монархомъ въ этомъ смыслѣ только въ отношеніи къ клѣткамъ своего организма. Лишь въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ государь (Петръ Великій) или какой либо другой гениальный государственный дѣятель (Бисмаркъ) до нѣкоторой степени приближается къ тому, чтобы воплощать въ себѣ, да и то лишь нѣкоторыя отдѣльныя устремленія своего государства. Фактически даже наиболѣе самовластный монархъ принимаетъ большинство рѣшеній въ согласіи съ правительственнымъ цѣлымъ, т. е. такъ, что они вырабатываются *сверхчеловѣческимъ единствомъ*. Однако это сверхчеловѣческое единство подорвано въ своей ограниченности, если одинъ изъ членовъ правительства имѣетъ неограниченную власть. Понятно поэтому, что по мѣрѣ усложненія жизни и возрастанія дифференціаціи общества, по мѣрѣ усовершенствованія техники государственнаго управленія и законодательства верховная власть все болѣе и болѣе отчетливо принимаетъ характеръ сверхчеловѣческаго единства, что и выражается или въ ограниченнй власти монарха или въ установленнй республиканской формы правленія.

Такимъ образомъ, именно чистота слѣдованія монархическому принципу строенія вселенной требуетъ въ государственной жизни *соборнаго строя* власти. Монархъ, рѣшающійся провозгласить «Государство—это я!», дерзко пытается присвоить себѣ сверхчеловѣческое достоинство и подрываетъ подлинное монархическое начало государственнаго единства. Недаромъ Богъ сказалъ Самуилу, когда евреи просили у него царя: «Не теби они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовалъ надъ ними» (I. кн. Царствъ, 8, 7.). Въ еще болѣе тяжелой формѣ совершили такое нарушение подлинно монархическаго принципа служители католической церкви, лишивъ ее соборнаго строя и поставивъ во главѣ ея папу, какъ намѣстника Христа, съ абсолютною властью.

Строй демократической республики или демократически ограниченной монархіи есть одинъ изъ способовъ созиданія соборнаго, сверхчеловѣческаго единства власти, въ которомъ по возможности погашаются эгоистическія, т. е. не гармонирующіе съ цѣлымъ стремленія отдѣльныхъ лицъ. Такое единство мы находимъ не только въ организаціи верховной власти, но уже и въ избирательной борьбѣ, когда избиратель достигаетъ своей цѣли избранія представителя лишь въ томъ случаѣ, если онъ выступаетъ носителемъ той или иной общественной идеи, и голосуетъ въ пустую, если вздумаетъ руководиться только своими исключительными интересами.

Никому, вѣроятно, въ наше время не придетъ въ голову утверждать, что современная демократія съ ея избирательною борьбою есть идеально совершенный способъ организаціи государства. Мы отстаиваемъ демократію не какъ абсолютный идеалъ, а только какъ такую форму, которая въ сложномъ дифференцированномъ обществѣ съ высоко развитою человѣческою личностью болѣе совершенна, чѣмъ абсолютная монархія*).

По словамъ *И. А. Ильина*, демократія хороша лишь постольку и тогда, когда она осуществляетъ аристократію, т. е. отборъ въ ряды верховной власти лицъ, наиболѣе духовно одаренныхъ для государственной дѣятельности.

*) Такое сравненіе абсолютной монархіи и демократіи съ органической точки зрѣнія мною произведено въ статьѣ «О народо-власти» (въ журналѣ «Новый Путь», 1904 г., декабрь), направленной противъ «Московского Сборника» Побѣдоносцева.

Творческая изобрѣтательность человѣка и общества можетъ найти много новыхъ путей для усовершенствованія техники этого отбора, напр. путемъ организациі корпоративныхъ, профессиональныхъ и т. п. формъ представительства. Возможно, что этотъ отборъ будетъ гдѣ либо производиться не въ формахъ демократической избирательной борьбы, а на основаніи объективныхъ, точно установленныхъ признаковъ, напр. на основаніи услугъ, оказанныхъ обществу и свидѣтельствующихъ о нравственной и умственной способности къ государственной дѣятельности. Во всякомъ случаѣ однако очевидно, что такая аристократія духа не будетъ возвратомъ къ абсолютной монархіи, а будетъ движеніемъ впередъ въ какое то новое, неизвѣстное еще будущее.

Отрицая механичность демократіи, я не менѣ рѣлительно отрицаю, будто она ведетъ къ безпринципному релятивизму. Согласно гносеологической теоріи, отстаиваемой мною (интуитивизмъ), истина абсолютна. Но кому придется въ голову утверждать, что въ земныхъ условіяхъ мы обладаемъ всюю полнотою абсолютной истины! Даже христіанская религія въ своихъ неизблемыхъ основахъ, въ своихъ догматахъ даетъ лишь отрывки абсолютной истины и то преимущественно въ отношеніи къ горнему, сверхземному міру, оставляя совершенно нерѣшенными вопросы объ экономическомъ строѣ, политическихъ формахъ и т. п. Усмотрѣвъ, что усилія человѣческаго ума даютъ всегда какой либо аспектъ истины, но не всю полноту ея, причемъ и открытый аспектъ истины обыкновенно опутанъ ложными ученіями, хотя бы вслѣдствіе односторонняго преувеличенія его и вытекающихъ отсюда ложныхъ слѣдствій, мы не удивляемся обилію враждебныхъ другъ другу мнѣній по поводу всякой сложной и глубокой проблемы. При столкновеніи политическихъ, экономическихъ и т. п. теорій и плановъ реформъ положеніе оказывается такимъ же, какъ и въ борьбѣ философскихъ системъ, о которыхъ Гегель сказалъ, что новыя системы «не уничтожаютъ принциповъ старыхъ, а только показываютъ, что эти принципы не были послѣднимъ, не были абсолютнымъ опредѣленіемъ». Высказать такое положеніе не значитъ быть релятивистомъ: въ немъ выражено лишь признаніе чрезвычайной сложности, богатства формъ и многогранности бытія, и убѣжденіе въ томъ, что теоретическая истина, а также практической идеаль обрѣтаются

не въ темныхъ, тѣсныхъ и уединенныхъ закоулкахъ, а въ сверкающемъ всеми цвѣтами спектра гармоническомъ синтезѣ всѣхъ положительныхъ содержаній. Поскольку демократія открываетъ попріще для свободной борьбы за истину, она облегчаетъ выработку такого гармонического синтеза.

Вспышка разочарованія въ демократіи, характерная для нашего времени, объясняется не столько давно известными недостатками, присущими этому строю, сколько новизною и трудностью задачъ, вставшихъ передъ современнымъ культурнымъ обществомъ и опасныхъ одинаково для всякаго стараго государственнаго порядка, какъ демократическаго, такъ и не демократическаго. Этихъ задачъ — двѣ: внутренняя и внѣшняя.

Высокое развитіе хозяйства и наличность сильнаго рабочаго класса, сознающаго свое человѣческое достоинство, понимающаго свое значеніе въ общественной жизни и требующаго себѣ соответственнаго положенія, выдвигаетъ задачу выработать новый социально-экономическій порядокъ, въ которомъ былъ бы осуществленъ синтезъ цѣнныхъ сторонъ индивидуалистическаго (капиталистическаго) хозяйства съ цѣнными сторонами идеала коллективистическаго хозяйства, идеала, вырабатываемаго социализмомъ. Рядомъ съ этою внутреннею задачею стоитъ задача внѣшняя. По мѣрѣ развитія духовной и матеріальной культуры, взаимоотношенія и взаимозависимость различныхъ государствъ возрастаютъ въ такой степени, что требуютъ себѣ организованнаго выраженія въ формѣ сверхгосударственнаго объединенія человѣчества. Эти задачи не обособлены другъ отъ друга: первая изъ нихъ врядъ-ли можетъ быть рѣшена безъ второй.

Для рѣшенія стоящихъ на очереди проблемъ необходимо небывалое напряженіе социальнаго творчества, а также исключительное самоотверженіе всѣхъ классовъ общества и всѣхъ народовъ, чтобы найти пріемлемые для всѣхъ, наиболѣе безболѣзненные способы примиренія и совмѣщенія разнородныхъ цѣнностей (цѣнность національнаго самоопредѣленія и цѣнность сверхгосударственнаго единства, цѣнность свободной хозяйственной инициативы и цѣнность служенія хозяйства общественному цѣлому и т. п.). Понятно, что, стоя передъ грандіознымъ сдвигомъ на новые пути, современное общество дѣлаетъ на каждомъ шагѣ опасныя ошибки; всякій классъ и всякая

нація, сознавая безусловный характер носимой ими цѣнности, искажаетъ однако эту цѣнность путемъ нарушенія перспективы, путемъ приданія ей исключительнаго характера, несомѣстимаго съ другими цѣнностями. Такимъ образомъ всякій классъ, всякая нація и отстаиваемыя ими великія идеи дискредитируются и все болѣе нарастаетъ социальный, политическій и нравственный кризисъ, болѣзненно переживаемый нами. Отсюда между прочимъ, возникъ и кризисъ современной государственной жизни, «кризисъ правосознанія», въ частности кризисъ демократіи.

Упуская изъ виду первоисточники этого кризиса, многіе склонны думать, что стоитъ вернуться къ сильной, религіозно-обоснованной монархической власти, взять разшатавшееся общество «въ ежовыя рукавицы», и кризисъ будетъ преодоленъ, все будетъ вновь поставлено на свое мѣсто. Они не понимаютъ того, что передъ ними не кризисъ демократіи, а кризисъ всякой старой власти и всего стараго порядка вообще. Фашистская диктатура можетъ только на короткое время замедлить процессъ распада старой жизни, но не прекратить его. Выходъ изъ положенія можетъ быть найденъ не путемъ консервирующаго замораживанія, а посредствомъ ускореннаго социального творчества.

Современное общество съ каждымъ днемъ все рѣзче раздѣляется на два враждебные лагеря — людей, увлеченныхъ революціоннымъ социализмомъ и воображающихъ, будто они ничего не могутъ потерять среди революціоннаго крушенія старой жизни, но много могутъ выиграть, и людей, боящихся утратить свое выгодное теперешнее положеніе. Такое раздѣленіе общества ни къ чему, кромѣ гражданской войны и гибели всей современной культуры, привести не можетъ. Для мирнаго разрѣшенія кризиса есть только одинъ путь: не бояться социального творчества, преобразующаго жизнь планомѣрно сверху, а хаотически революціонно снизу. Каждый гражданинъ съ чуткой совѣстью и прозрѣніемъ въ будущее обязанъ во внутренней экономической жизни общества творчески разрабатывать или, по крайней мѣрѣ, поддерживать проекты и мѣропріятія, сочетающіе въ себѣ сохраненіе хозяйственной инициативы съ устраненіемъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ, а во внѣшней жизни общества привѣтствовать всякій шагъ въ направленіи къ тому времени,

когда деньги, ассигнуемая теперь на сооруженіе предноута, изнашивающагося черезъ десять лѣтъ, можно будетъ употребить хотя бы на постройку десяти тысячъ дешевыхъ квартиръ, гдѣ пятьдесятъ тысячъ скромныхъ тружениковъ получать свѣтлое, сухое и теплое жилище вмѣсто гнилыхъ, сырыхъ подваловъ, въ которыхъ хирбють и мрутъ теперь ихъ дѣти отъ туберкулеза, рахита и др. болѣзней.

Кого не тревожатъ эти проблемы, пусть идутъ къ тѣмъ пророки и властно зовутъ ихъ къ покаянію. Всякій день промедленія опасенъ. Если преобразование жизни не будетъ произведено сверху, придетъ «внутренній варваръ» и опрокинетъ всѣ государства, какъ демократическія, такъ и не демократическія, и это разрушеніе будетъ не творческимъ обновленіемъ жизни, а бичемъ Божиимъ въ наказаніе за косность и своекорыстіе.

Проф. Н. Лосскій.